

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

— Михаил Михайлович, начну с вопроса, которым обычно заканчиваются подобные интервью. Каковы ваши творческие планы? Существует мнение, что сатирикам сегодня приходится нелегко по причине... гласности. Прошли те времена, когда (цитирую Жванецкого) «интуиция заменяет информацию». Не остается закрытых тем, можно без страха называть вещи своими именами. А сатирик при таком положении лишается некоторых творческих приемов: иносказание, прозрачные намеки, многозначительные паузы, побуждающие публику домыслить ситуацию. На вас это отразилось?

— Сейчас у меня кризисные времена. Смешно искать недостатки в процессе перестройки, они и так бросаются в глаза. Я настолько ярый сторонник этого всего: и гласности — я это называю свободой слова, — и демократизации... Это то, о чем мы мечтали. Я сторонник этого. Сатирик, сатира не может быть ярым сторонником чего-то. Если сатирик остается без работы — это хорошо, хорошая примета, люди должны радоваться.

— Но ведь ваши коллеги не умолкают, похоже даже, что жанр переживает всплеск.

— Да, братья-сатирики разошлись, раздухарились — много написано смешного. Мало — глубокого. Пока что юмор плюс глубина — это привилегия ушедших. Булгаков, Платонов... И вообще сейчас все самое истинное — из долгих ящиков, срок выдержки — десять лет, двадцать и даже пятьдесят. Из теперь написанного ценного пока мало. Сейчас не до художественности. Писатели ринулись на трибуну, к микрофону, спешат высказаться, дать оценку своим оппонентам.

Все же, чтобы не обидеть товарищей по цеху юмора и сатиры, скажу, что мне нравится многое из последних работ Задорнова, Альтова, Горюхиного, Измайлова.

Что касается написанного и сказанного мною прежде: многое, к сожалению, продолжит звучать, нравится публике. Не мне давать оценку этому, время определит подлинную ценность. На этом материале живет новый театр — в нем Карцев, Ильченко и я.

— Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтобы написать рассказ, надо открыть окно и послушать... Это из вашей миниатюры. Вы слышите людей, знаете насущные их заботы. Как бы вы оценили нынешнее их настроение?

— Кто-то правильно сказал: сейчас читать интереснее, чем жить. В том смысле, что в материальной жизни пока перемены не чувствуются. И поэтому некоторые настроены скептически. Сейчас людям нужно почувствовать на себе какие-то благие перемены. Возможно, нужны какие-то неожиданные приемы, стимулы, чтобы разбудить созидательный потенциал людей. Недавно я побывал в Соединенных Штатах Америки. И вот какая мысль у меня возникает, которая многим, наверное, покажется спорной. Я бы дал подробный телерепортаж из супермаркета, то есть из продовольственного магазина. Пусть люди посмотрят, что может родить земля, что могут сделать руки человеческие... Вдоль мясного ряда можно троллейбус пускать. Не скажу, что все это вкусно, наша еда, приготовленная хозяйками, в десять раз вкуснее. Но обилие фруктов, овощей зимой, в январе, поражает. Пять сортов картофеля на выбор. «Когда у вас появляется первая клубника?» — «В шесть часов утра». Как это получается?

— Прерву вас на минуту... Америка действительно сытно и вкусно ест еще и потому, что, в общем-то, объедает мир. В соседних с ней странах — Латинской Америки «фруктовые короли» из США доводят людей до голодной смерти...

— Что я могу на это возразить? Ничего. Законы капиталистического хозяйствования сложны, милосердными их никак не назовешь. Но обще-

народного достатка можно добиться и без эксплуатации других народов. Кстати, ту же дешевую клубнику американцы выращивают в парниках: пятисотметровой длины парник, в начале его только еще начинает развиваться плод, а в конце уже собирают по пятьсот килограммов в сутки.

Пусть наши люди увидят все это. Может быть, что-то сыграет у них. Нельзя это скрывать. Это уже перестало быть военной тайной.

— Наш народ никогда не жил, грубо говоря, от живота. Мы не привыкли к излишествам, и это, быть может, даже хорошо. Огорчает другое, дефицит добрых людских отношений, озлобленность, недоброжелательность, на которую мы все часто натываемся. Бесчеловечные конфликты, раздоры, тычки. И это при том, что добросердеч-

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

«ГОТОВ ОСТАТЬСЯ БЕЗ РАБОТЫ»

ность, отзывчивость нашего народа известна: в трудную минуту люди делятся последним. Что же тогда происходит с нашими обиходными взаимоотношениями?

— Отчего у нас обостряются взаимоотношения? В том числе даже межнациональные и другие — служебные, родственные. Мне кажется, от недовольства жизнью. Нельзя все время что-то отнимать. Может быть, надо что-то и давать? Прежде нас изматывали несправедливостью, лицемерием, ложью, теперь мы изживаем это, хотя и не враз. Может быть, если до конца удастся перестройка и станет жизнь интересней, то и люди станут друг к другу лучше относиться? Чем у нас работа лучше была? На работе люди отдыхают, а после работы слоняются по магазинам, выставляя за одним товаром три очереди — к прилавку, в кассу и снова к прилавку... Свирепеешь как, что готов сорваться на ком угодно.

Мне хотелось бы, чтобы мы все были сейчас более герпимы к тем, кто в чем-то заблуждался, кто попал волею обстоятельств в трудное положение. Вот один непростой момент, который никак нельзя обойти вниманием, хотя, на первый взгляд, он не имеет прямого касательства к нашей жизни.

В вашей газете были публикации о поэте, лауреате Нобелевской премии 1987 года Иосифе Бродском, бывшем гражданине СССР, ныне живущем в США. К Бродскому у нас в стране относятся поразному. Одни называют его отщепенцем, другие видят в нем настоящего русского поэта. Но я знаю, что его буквально выдавили из нашей страны, создали ему невыносимые условия, объявили тунеядцем, судили — это все было в те мрачные застойные годы. Мы с писательницей Татьяной Толстой во время поездки по США были у Бродского в гостях. Я видел, как скромно, непритязательно живет этот человек: две крошечные комнатки, электроплитка в коридоре... Я понимал, что вся жизнь отдана стихам.

— Михаил Михайлович, при всем уважении к его поэтическому таланту мы сейчас не можем отбрасывать тот факт, что Бродский печатает свои стихи в «Посеве», в других эмигрантских изданиях, где публикуются материалы, оскорбляющие наше национальное достоинство, где смотрят на нас с элементарных вражеских позиций.

— Видимо, у него просто нет выбора, на русском языке на Западе особенно много не опубликуешь, а ему надо печататься, как-то жить. Самое большое для него событие — это публикация в «Новом мире».

Есть и другие люди, известные, даже знаменитые мастера, которые по разным причинам оказались за пределами Родины... Никого из них не хочу винить, а тем более оправдывать. Но сейчас можно во многом разобраться, понять обстоятельство судеб, привлечь этих людей, использовать во благо страны. Многие из них готовы откликнуться, они могут помочь в решении целого ряда жизненно важных для всех нас вопросов, располагая авторитетом в

международных сферах. Мы большая и сильная страна, мы должны сделать шаг навстречу и выиграем от этого.

— Вы уже не раз упомянули об Америке. Когда-то мы собирались соревноваться с Соединенными Штатами по производству продуктов питания и прочих земных благ. Но мы стали соревноваться в том, кто больше грязи выльет на соперника. Перестали замечать хорошее у противной стороны. Сейчас мы можем впасть в другую крайность: непомерное восхваление заокеанского. Не слишком ли часто мы при сравнении видим лишь свои недостатки?

— Я уже однажды говорил: с какой радостью я ехал в США, с такой же радостью ехал обратно — уже считал дни и часы до возвращения. Очень соскучился...

Что я обнаружил? Что наше образование вполне хорошее. Что наша школа, в общем-то, дает очень приличное образование. Американская школа построена так: «Кем ты собираешься стать, мальчик?» — «Адвокатом». — «Ну тогда тебе не нужна математика, тогда, может быть, тебе даже не нужна география». Поэтому когда в какой-нибудь американской компании спрашиваешь: «А читали ли вы?..», в ответ слышишь: «Мы не читали, но есть у нас человек, который читает книги, сейчас он придет...». И действительно, появляется такая патлатая личность, в очках, у него можно узнать о книгах. А вот тот человек знает, на берегу какого океана мы живем. Тот знает устройство автомобиля... Следующий разбирается в компьютерах... Америка распадается так. С одной стороны — гении, которые придумывают компьютеры, лекарства, придумывают какую-то автоматическую коробку передач. С другой — вся остальная масса, которая не знает, как все это устроено.

Я нигде в Америке не видел таких прекрасных встреч, вечеров, как у нас. Вечеров на кухне... Весь период застоя мы провели на кухне. Мы там многое обсуждали, все проблемы, все свое несогласие, весь свой гражданский пыл — на кухне, около двенадцати ночи или после двенадцати собирались люди.

В Америке нет таких вечеров. Америка не может всей страной прочитать «Плаху» Айтматова или «Дети Арбата» Рыбакова, или читать вслух одну газету, одну заметку. Там люди заняты делом, бизнесом своим, они не читают так, как мы, поэтому с нами еще интересно. Ну а

мы, конечно, не вкалываем так, как они. Мы в полувековой борьбе завоевали право за 90 рублей в месяц ни черта не делать и держались за это свирепо!

— Выснажу одно опасение по поводу ваших ответов: они у кого-то могут вызвать протест. Подозреваю, что у иных читателей на языке будет слово «антисоветчик». Называли вас так когда-нибудь?

— Да. Причем называли не те, кто пришел на мои концерты. А другие... Когда меня кто-нибудь из знакомых спрашивал, как прошел концерт, я отвечал: известно будет завтра. Потому что решающая оценка выносилась не народом в зале, а отдельными персонами в кабинетах. Кого и от кого они защищали? Я до сих пор не знаю. Такого рода бдительность нам известна. Мы тот край запретов, раздолбав знаем назизусть, у нас сейчас нет дороги назад — сзади мы уже были. Только вперед. Наверное, кто-то и выступления некоторых делегатов партконференции считает антисоветскими за смелость и рискованность в поиске лучшей жизни для страны. Сильна еще привычка, желание одеть всех во френч, застегнутый под горло.

— Наверное, есть прорабы перестройки. И есть прапорщики перестройки. Не в обиду этому воинскому званию сказано, но в неармейской жизни окрик, команда, зысание, вряд ли послужат и прогрессу, и порядку.

— Да. Нам еще предстоит найти сочетание демократии и свободы, демократии и дисциплины.

— Критики у нас хватает. А где конструктивные предложения? Вы пока что сделали одно: предложили репортаж из американского супермаркета... Согласитесь, маловато. А что-нибудь более серьезное?

— Конструктив? Резолюции партийной конференции. Это предложения, надежда всего народа, всех нормальных людей. Поддерживаю совершенно искренне, полностью. Хотя, честно скажу, понимаю еще не все до конца. Нужно думать — это сейчас не запрещено. Но главное, у нас стало больше веры в то, что мы сумеем изменить жизнь к лучшему, поднять экономику. Не враз это произойдет, но быстро — чувствую и верю.

— Возрастает интерес к человеческой личности. Сейчас трудно спрятаться за чином, званием, творческим амплуа. Людям интересуют, каков тот или иной известный человек в жизни, каков его характер. Позвольте задать напоследок такие вопросы. Как складывается ваша личная жизнь? Кто ваши друзья? Помогут ли работать? Когда пишете?

— О личной жизни? Она же у меня смешана — личная жизнь, и творческая, и общественная. Не могу сказать, что счастлив в личной жизни, сейчас нашел некоторый покой. Потому что все, что происходит снаружи, врывается вовнутрь, и я потому хожу как подожженный изнутри. Все общественные невзгоды я переношу на человека, который находится рядом. Есть рядом со мной мужественная женщина, которую мне страшно жалко. Дай бог ей счастья... У меня хорошие друзья. Андрей Витов, Резо Габриадзе, Карцев и Ильченко — они известны. Еще один друг — Александр Лозовский. Он, как и я, когда-то уехал из Одессы и теперь живет в Москве, инженер. Это тонкий и строгий ценитель моего творчества. Здоровье? Стараюсь бегать. Работаю, то есть пишу, я в основном в Одессе. Каждый год провожу там по три-четыре месяца — в конце лета и в начале осени. Я не приспособился работать в Москве, любой телефонный звонок меня выбивает.

Вот какое грустное получается интервью. Где же смешное? Не знаю. Я привык к тому, что грустное вызывает смех.

Интервью вел
Г. ШВЕЦ.